

УДК 81.33

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.01>

И.И. Валуйцева

М.О. Круковская

Московский государственный областной университет

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ: ТОГДА И СЕЙЧАС

Данное исследование посвящено вопросу развития и деривации понятия политической корректности и ее составляющих, проявляющихся в языке. Авторами собраны и структурированы данные о дефинициях и сфере функционирования политкорректности. Эмпирическое исследование статей из американских газет за период с 1884 г по 2020 г. статьи были взяты из таких изданий, как Atlantic Monthly, The Pittsburgh Courier, The new York age, Atlanta Voice, The Atlantic и другие. Материалы ранних выпусков были взяты из официального архива газеты New York Times. Представленное исследование в том числе ставит своей целью выявление социальных факторов, влияющих на те или иные политически табуированные лексические единицы по отношению к чернокожему населению Америки, то есть, как обстановка и события в социуме оказывали влияние на политически корректный язык. В ходе анализа были выявлены наиболее распространенные лексические единицы, указана частота их встречаемости в американской публицистике в разные отрезки времени. На основании полученных данных выдвигаются прогнозы о векторе развития политкорректности в будущем. В статье приводятся конкретные примеры языковых изменений на морфологическом и лексическом уровнях языка в качестве ответа на существующий социальный запрос общества, например, борьба с дискриминацией по признаку расы и гендера в публичном пространстве, при найме на работу или в рамках личного взаимодействия, борьба с ксенофобией и сегрегацией на уровне политически корректного языка.

Ключевые слова: политкорректность, гендер, раса, феминизм, социолингвистика, диахрония, расизм

UDC 81.33
<https://doi.org/10.25076/vpl.40.01>
I.I. Valuitseva
M.O. Krukovskaia
Moscow Region State University

POLITICAL CORRECTNESS: BACK THEN AND NOW

The given article focuses on the development and derivation of the concept of political correctness and its components, expressed in politically correct language. The authors have collected and structured data on the definitions and scope of political correctness. An empirical study of articles from American newspapers between 1884 and 2020 was taken from such newspapers as: Atlantic Monthly, The Pittsburgh Courier, The New York Age, Atlanta Voice, The Atlantic and others. Materials from early newspapers were taken from the New York Times official archives.

The presented research aims, among other things, to identify the social factors that affect certain politically taboo vocabulary units in relation to the black population in America, how the environment and social events have influenced the politically correct language. The following analysis has identified the most frequently tabooed lexical units for a given period of time and the frequency of their occurrence in American public opinion at different time intervals. The article provides concrete examples of language changes at the morphological and lexical level as a response to an existing social demand in society, such as combating discrimination on the grounds of race and gender in public space, in employment or in personal interaction, combating xenophobia and segregation at the level of politically correct language. Projections, concerning the derivation in ethically appropriate language, are made on the basis of the obtained data about the future development vector of political correctness indicators.

Keywords: political correctness, gender, race, sociolinguistics, diachrony, feminism, racism

Введение

Проблема политической корректности в 21 веке стоит весьма остро, становясь поводом для различных политических и

социальных дискуссий и споров. Политическая корректность формирует и контролирует жизнь человека во всех сферах его деятельности. Вместе с этим невозможно подвергнуть сомнению тот факт, что человек, являясь членом общества, влияет на становление как самого явления политкорректности, так и на политически корректный язык. Так как язык отвечает на запрос его носителей, неудивительным является факт наличия политически корректных слов, которые занимают определенное место в современных дискурсивных практиках.

Отдельно стоит отметить связь между употреблением политкорректных слов и влиянием государства и общества на языковые деривации, так как основной целью их употребления следует считать сведение к минимуму и последующее искоренение таких негативных явлений, как предвзятость, дискриминация, межнациональная рознь, подчеркнутая разница в социальном (имущественном статусе) и т.д.

Актуальность данного исследования обусловлена непрерывным процессом межкультурной коммуникации, в рамках которой понятие политической корректности играет существенную роль, так как охватывает различные этнические и социальные группы. В данной статье мы постараемся изложить историю и развитие понятия политкорректности – от возникновения до наших дней.

В качестве объекта исследования выступают изменения в языке американской публицистики в связи с возникновением и развитием политически корректного языка, а также процесс табуирования употребляемых на протяжении определенного отрезка времени лексем в соответствии с нормами политической корректности.

При проведении данного исследования были использованы такие методы, как метод аналогии, классификации, метод обобщения, метод описания и анализа собранного материала. Данное исследование преследует своей целью поиск, обработку, сопоставительный и семантический анализ данных о языковых изменениях, вызванных нормами политкорректности и изменениями в социуме. Четкое установление лингвистической парадигмы, согласно которой используемые в определенный отрезок времени лексические единицы приобрели отрицательную

коннотацию и стали табуированными ввиду норм политически корректного дискурса.

Понятие политкорректности

Политическая корректность, как явление, начала зарождаться в 60-ых годах XX века и являлась продуктом культурной революции в Америке. С.Г. Тер-Минасова приводит в пример работу под названием «Политическая социология английского языка» в качестве одного из катализаторов активного развития политически корректного языка и политкорректности в 70-ых годах. Автором является Али Мазруи, так, в своей работе он подчеркивает необходимость в искоренении расизма из английского языка, и настаивает на критическом восприятии употребления лексических единиц, обладающих отрицательной коннотацией лишь из-за наличия лексем “black” (Ter-Minasova, 2000).

Приведем следующие дефиниции политической корректности из английских словарей:

1) словарь современного английского языка Лонгмана: “Political correctness stands for language, behaviour, and attitudes that are carefully chosen so that they do not offend or insult anyone – used especially when you think someone is too careful in what they say or how they behave” (Longman Dictionary of Contemporary English, 2020);

Политическая корректность – это осторожно выбранные слова, обдуманые поступки и внимательное отношение. Термин особенно применим в тех случаях, когда человек чрезмерно осторожен в выборе слов или в своем поведении.

2) В цифровой версии словаря Merriam-Webster мы можем найти трактовку определения понятия политической корректности:

“Political correctness - avoidance of expressions or actions that can be perceived to exclude or marginalize or insult people who are socially disadvantaged or discriminated against.” (The Merriam-Webster Dictionary, 2020);

Политическая корректность – это приверженность убеждению, что язык и действия, которые могут задеть чьи-либо чувства, должны быть исключены.

3) Кембриджский словарь английского языка:

“The act of omitting particular language as well as undeliberately offensive actions towards others. The accent is made on basis of race, religion, sex etc.” (Turner,2006).

Здесь стоит отметить некоторые различия между приведенными нами дефинициями и трактовками политкорректности отечественными исследователями. Так, С.Г.Тер-Минасова предлагает в качестве аналога политкорректности «языковой такт», что подчеркивает именно сферу функционирования политкорректности в дискурсе, хотя данный феномен не является исключительно языковым (Ter-Minasova, 2000).

А. Г. Стихин считает, что термин «коммуникативная корректность» является более релевантным с точки зрения языковых явлений, так как «политическая корректность» подразумевает под собой не только языковую предметную область (Стихин, 1995).

Логично было бы заключить, что термин «политическая корректность» не является в полной мере семантически однородным и однозначным. Данный феномен располагает четырьмя значениями в современном общественном дискурсе:

1) в качестве катализатора политического и социального движения;

2) доступный и распространенный в силу своей актуальности инструмент для выражения социальных настроений и потребностей;

3) в качестве ответ на общественные запросы участников дискурса;

4) в роли несовершенной и замкнутой системы эвфемизмов и дисфемизмов (Schultz, 1993).

Мы можем прийти к выводу о том, что отечественные исследователи четко разграничивают сферу функционирования политической корректности на языковую и неязыковую, предлагая конкретные аналоги в русском языке.

Попадающие под сферу функционирования политической корректности социальные группы

- **по признаку гендера**

На основании изученной нами литературы мы можем выделить некоторую связь между гендерной политкорректностью и политкорректностью расовой, так как определенное количество

феминистских группировок возглавляли движение против расизма в Америке, стремясь внести изменения в «мужской язык», ориентированном лишь на мужчин с целью сделать его как можно нейтральнее (Глиос, 2007). Атрибутами маскулинного языка считались названия профессий, занятия которыми изначально принадлежало мужчинам: водитель, сенатор, автор и т.д. В связи с этим названия мужских профессий стремились сделать гендерно-нейтральными.

Последствием данных социальных процессов можно считать следующие изменения в языке: сведение к минимуму использования морфем, указывающих на род (-man,-ess), их использование заменяется гендерно-нейтральным «person», или же другими вариантами: *salesman - salesperson; cameraman - camera operator; fireman - firefighter; spokesman- spokesperson* (Schultz, 1993).

Помимо этих изменений представлены следующие: когда пол говорящего неизвестен – вместо “he/him” используется “they/them”. Стоит обратить внимание на тенденцию к уменьшению уровня употребления “Mrs”, “Miss”, так как они подразумевают идентификацию женщины в обществе в качестве собственности её мужа; вместо этого в современном английском (как в официальном, так и в просторечном) широко употребление Ms по аналогии с Mr (Schultz, 1993).

В данном контексте мы считаем уместным упомянуть о гендерной политкорректности во французском языке, так как феминистическая повестка в данной языковой общине является распространенной (Schultz, 1993).

Здесь ситуация несколько необычна в силу влияния на язык Французской академии, не признающей феминитивы и считающей их языковыми излишествами. Тем не менее, использование феминитивов и гендерно нейтральной лексики в политическом дискурсе теперь регламентировано национальной ассамблеей Франции. Рассмотрим изменения в языке под влиянием гендерной политкорректности: как и в английском языке упразднение использования “*Mademoiselle*”, так как данное обращение ссылается на наличие параметра замужества, таким образом, в узус входит более нейтральное в этом плане “*Madame*”, хотя данное обращение тоже обладает параметром замужества, в

современном французском узусе оно приравнивается к нейтральному “Monsieur”; использование в неформальном общении аналогий мужским названиям профессий: путем добавления или изменения окончаний - *sénateur – sénatrice, député - députée, avocat-avocate, procureur-procureure, infirmier - infirmière*; путем использования определенного артикля указывающего на род существительного *la juge, la ministre*; собирательный пример: *Madame la présidente*.

Помимо уже упомянутых выше проявлений сексизма в контексте современного французского языка, нам необходимо также коснуться проблемы местоимений множественного числа, а именно существенной альтерации местоимения в зависимости от параметра присутствия\отсутствия в оговариваемой группе лица мужского пола. Применение *ils* по отношению к группам, где лица мужского рода отсутствуют, даже если лицо лишь одно (по такой же аналогии используется «*tous*») противопоставляется использованию «*elles*» по отношению к группам, состоящих всецело из лиц женского пола («*toutes*»). На данный момент замена такому политически некорректному использованию местоимений отсутствует.

В немецком языке перечисленные выше тенденции тоже присутствуют.

Образование феминитивов почти всегда ограничивается добавлением или изменением суффикса: *Sehr geehrte Studenten + (Studentinnen)*, однако при добавлении суффикса в отдельных примерах гласная в корне получает умлаут – *Kochen- Köchin*. По такой же аналогии *Kollegen und Kolleginnen, Besucher und Besucherinnen* (Burkhardt, 2010).

Однако данные конструкции были признаны весьма громоздкими для восприятия, по этой причине их стали сокращать на письме. Таким образом, в узус немцев в 2007-2009 гг. входят следующие конструкции: *StudentInnen, BesucherInnen* и *KollegInnen* (Burkhardt, 2010).

Что же касается современной тенденции, языки сталкиваются с новыми запросами социума, и немецкий язык не составляет исключения. По причине того, что в современном обществе не все члены социума отождествляют себя в полной мере с мужским или женским полом, использованные в 2007-2016 годах

BesucherInnen, *KollegInnen* утратили свою универсальность. На замену им постепенно вводятся такие конструкции, как *Besucher*Innen* (посетитель*ница), *Kolleg*Innen* и т.д.

Функция знака «*» позволяет включать в используемую словоформу различные гендерные идентификации и их проявления.

- **по признаку расы**

Параметр расы в рамках функционирования политической корректности играет особую роль, так как тенденция к расовой корректности возникла именно с связи с недовольством афроамериканцев своим положением в обществе и дискриминацией по признаку цвета кожи. В Америке особое внимание уделялось межкультурным и межэтническим проблемам в силу этнического разнообразия населения страны.

Проявления расизма в обществе, а также исторические его предпосылки неизбежно находили свое отражение в языке. Так, стремление к ликвидации дискриминации по расовому признаку повлекло за собой тенденцию к устранению или смягчению использования расовых признаков в речи (Burkhardt, 2010). В частности, афроамериканцы стремились полностью искоренить использование таких лексем как “*negro*”, “*blacks*”, так как они имели негативные ассоциации в их среде. Однако уроженцы Африки не являются единственной этнической общностью, которая сталкивается с политически некорректным обращением в свой адрес (Остроух, 1998). Так, название коренного населения Америки претерпело следующие изменения: от *Redskins* – краснокожих индейцев (учитывается параметр внешности) через коренных индейцев (параметр территориальной принадлежности) и до современного названия, считающегося политически корректным – *The First Nation* – первой нацией.

Отдельного внимания заслуживает изменение формы употребляемой лексики «эскимос», последующее видоизменение которой имеет различия в зависимости от территории: так, уроженец Аляски будет носить название «коренной аляскинец» в то время, как эскимоса из Канады следует обозначать как «инуита».

Вопрос политически корректного дискурса включает в себя обращения к латиноамериканцам – сейчас оно имеет такие формы

как: *Latino/Latina, Chicano/Chicana, Spanish American*. Название *Hispanic*, употреблявшийся в 70-ых годах XX века, сейчас не приветствуется для употребления в речи, так как в сознании многих ассоциируется с малообеспеченными иммигрантами (Schultz, 1993).

Лексема «еврей» (*jew*) в англоговорящих общинах в последнее время приобрело пренебрежительное значение, поскольку оно часто употребляется в словосочетаниях "*dirty jew*", "*jew boy*". Это же касается глагольных форм "*to jew (down)*" – крайне оскорбительное выражение (Schultz, 1993), оно употребляется для выражения крайнего недовольства слишком пылкой торговлей. Политкорректной аналогией в англоязычном сообществе считается деривация, уже упомянутая ранее – добавление "*person*" для придания нейтральной коннотации словоформе - "*Jewish person*". Чрезвычайно грубой формой является "*kikes*" – аналогично «жидам» в русском языке.

Проявление политической некорректности не всегда принимает вид неверного или грубого обращения. Например, нейтральный вопрос о месте рождения собеседника может быть воспринят в качестве намека на его происхождение, отличное от других участников дискурса.

Особенно остро эта проблема стоит в Америке, так как данный вопрос, заданный представителю азиатской или негроидной расы, будет воспринят прямым оскорблением и намеком на ненастоящее американское происхождение (Тарасова, 2018).

- **по социальному и физическому признакам**

Представленный выше механизм изменения языка порождает повсеместное табуирование таких проявлений социальной сегрегации и дискриминации как этноцентризм (ущемление прав этнических или культурных общин на основе отличия или предвзятости к их религии, этносу, культуре), лукизм (социальное непринятие по параметру наличия признанных и декларируемых обществом норм стандартов красоты – лишний вес, слишком высокий рост и т.д.), гомофобия (дискриминация на почве сексуальной ориентации).

Подобная сегрегация, по мнению, как правило, западных исследователей, нашла свое непосредственное отражение в славянских языках (Тарасова, 2018). Примером подобной связи

между социальной составляющей и составляющей языковой можно считать наличие в общественном узусе такой лексемы как «гомосексуализм». Современный политически корректный язык порицает использование такого термина, так как данная словоформа возникла в результате попыток патологизации гомосексуальности. Таким образом, суффикс -изм употребляется для обозначения клинических и патологических заболеваний, например, аутизм, ботулизм; мировоззрений - атеизм, идеологий - либерализм, художественных направлений импрессионизм; политических течений - феминизм, маскулизм.

Гомосексуальность, как вид сексуальности, не является ни одним из перечисленного, хотя трудно не согласиться с тем, фактом, что данные меньшинства принимают участие в социальной и политической жизни общества, будучи вовлеченными в борьбу за репрезентацию и признание (Гарасова, 2018).

Необходимо в том числе обратить внимание на группу эвфемизмов, направленную на этически приемлемое обозначение людей, испытывающих психические (ментальные) и физиологические трудности.

Физически здоровых людей следует называть политически корректными терминами: «временно дееспособным» (Иванова, 2002). Такие выражения, как : даун (синдром), умственно отсталый, калека, глухой, слепой и прочие лексемы, фокусирующиеся на физических или ментальных недостатках, признаются табуированными согласно нормам политической корректности (Карасик, 2002).

Необходимо уделить внимание такой набирающей обороты тенденции в западной культуре, как сознательный отказ от принятия и использования транслируемых и поощряемых норм красоты и привлекательности в обществе – отказ от употребления лексических единиц, имеющих субъективно-оценочную коннотацию по признаку непривлекательности и сексуальности и, напротив, по параметру несоответствия текущим стандартам красоты. В политически корректном дискурсе в качестве дискриминации по признакам внешности и субъективным стандартам привлекательности (Карасик, 2002).

Тезис о несостоятельности современной практики политической корректности

Несмотря на рациональные в своем содержании цели, преследуемые сторонниками политически корректного языка и появления новых этических норм в аспекте создания политически корректного социума, принято считать, что политкорректность является обоюдоострым мечом. Иными словами, на данный момент не существует каких-либо сдерживающих факторов или регуляторов для внесения изменений в лексический и морфологический уровни языка. По данной причине растущее количество беспрецедентных этических и политически приемлемых норм является причиной стремительной и бессистемной деривации языка (Pinker, 1994).

Вопреки тому факту, что сторонники политической корректности придерживаются такого принципа как *“bias-free” speech* - речи, полностью лишенной предрассудков, предубеждений и какого-либо вида дискриминации, подобный политически корректный язык в некоторых отдельных случаях порождает деструктивные с точки зрения современного дискурса этические приемлемые лексические единицы и синтаксические конструкции.

Примером подобного можно считать такие словосочетания, как *“melanin impoverished”* – представитель европеоидной расы со светлой пигментацией кожи, *“chemically challenged person”*, *“substance abuser”* – зависимый от наркотических веществ человек, наркоман, *“horizontally challenged”* – раздающийся вширь, обладающий лишним весом. Примечательно влияние на политически корректный язык такого движения как веганство, основными идеями которого является предположение о том, что любое животное является другом человека, а не пищей, последствиями данной повестки можно считать возникновение в современном узусе такого этически приемлемого выражения как: *“animal companions”* вместо повсеместно используемого *“pets”*. Стоит отдельно обратить внимание на языковое явление, связанное с течением о борьбе за блага животных, которое проявляется непосредственно в тезисе о том, что использование названий птиц, рыб и зверей в качестве прямого оскорбления или намек на отрицательные личностные качества кого-либо из

участников социального дискурса является совершенно неприемлемым, так как данное языковое поведение препятствует перцепции животных в качестве равного себе биологического вида.

В данном случае детерминантой является именно семантическая составляющая в названии того или иного животного, что в свою очередь тесно связано с ассоциативным рядом отдельно взятой языковой общины (Тарасова, 2018).

К эвфемизмам, призванным размыть границы между социальными слоями и финансовом неравенстве, можно считать: *“substandard housing”* в качестве аналогии для трущоб, *“financially challenged”* – ограниченный в финансовом плане человек, *“state of awareness”* – человек в состоянии измененного сознания, в состоянии алкогольного опьянения (Тарасова, 2018).

В начале кампании по популяризации и имплементации норм политической корректности, последняя воспринималась социумом преимущественно положительно, так как данное течение в некоторой мере отвечало на общественный запрос, и в дискурсе *“PC=political correctness”* имела положительную или нейтральную коннотацию.

Приведенное выше понятие подразумевало под собой некое свободное волеизъявление, которое не могло оскорбить участника дискурса. Политкорректность в начале своего становления носила положительное содержание этого термина в качестве открытости по отношению к любому другому члену общества или участнику дискурса.

Прибегнув к анализу текстовых массивов 1980 годов, содержащихся в Британском национальном корпусе, можно встретить следующее высказывание: *«Women like him too, and not just for his civil rights stand and political correctness»* (о Билле Клинтоне). Опираясь на смысловую составляющую данного высказывания, закономерно было бы прийти к выводу о содержании положительной коннотации в отношении понятия политической корректности, так как данное явление отождествляется в контексте данного изъявления с другими человеческими добродетелями.

Однако уже в конце 1990-х годов, когда последовательно происходят общественные резонансные события,

дискредитирующие понятие политической корректности и методы ее внедрения в общественный дискурс - в качестве примера можно привести празднование Рождества в Англии, под названием «Winterval» - период праздников в середине зимы, охватывающий не только светские, но и религиозные праздники. Ко всему прочему ярким примером злоупотребления влиянием на политически корректный язык можно считать детский утренник, проводимый в Соединенных Штатах Америки, который носил название “Snow White and the Seven Vertically Challenged Males”. Очевидно, что это было ничто иное, как представление сказки о Белоснежке, однако данная формулировка, исключая из употребления лексему «гном» и меняющая полностью значение и коннотацию названия сказки (Белоснежка и семеро ограниченных в росте мужчин), также оказала влияние на общественное отношение к политически корректному языку.

В англоязычном дискурсе широко применимо такое понятие, как «political correctness gone mad» - политическая корректность обезумела. Со временем значение данного высказывания значительно расширилось, и этим языковым клише начали называть почти все проявления влияния политической корректности на общественную жизнь и используемый узус, вызывающие любое возмущение или неодобрение в обществе.

С течением времени политическая корректность как течение все чаще вызвала в участниках дискурса настороженное и пренебрежительное отношение, данный феномен находил свое отражение в злоупотреблении синтаксических и лексических средств политкорректного языка с целью выражения недовольства касательно насаждаемых языковых и этических норм (Тарасова, 2018).

Например, лексема “*challenged*”, нашедшая широкое применение в политкорректном дискурсе при создании новых изречений и эвфемизмов, стала все чаще использоваться участниками дискурса для передачи снисходительной и шуточной коннотации (Pinker, 1994).

Так, у нас есть возможность ознакомиться с подобными рода этически корректными выражениями, которые были созданы участниками дискурса в качестве несогласия с деривациями в языке: *vertically challenged* – вертикально ограниченная личность,

dead – *electroencephalographically challenged* – электроэнцефалографически ограниченная личность, *follically challenged* – фолликулярно ограниченная личность (лысый человек), *chronologically challenged* – хронологически ограниченный человек (пожилой или старый) (Тарасова, 2018).

Сам термин политической корректности, изначально призванный описывать использование этически приемлемого языка, который противопоставлялся языку межнациональной и расовой розни, ксенофобии и дискриминации (*hate speech*) с течением времени и изменениями, протекающими в обществе, начал обозначать инициативы (часто бессмысленные и странные по мнению других участников общественного дискурса) меньшинства, которое видит проявления ксенофобии и угнетения даже в обычных для большинства вещах.

Таким образом, разумно было бы полагать, что за последние 20 лет отношение к феномену политической корректности большинства представителей англоязычного мира изменилось с позитивного (или нейтрального) до негативного. Эти трансформационные процессы нашли отражение в языке в виде ряда неологизмов общественно-политической тематики. По сравнению с англоязычными странами, феномен политкорректности является новым и менее актуализированным, и репрезентируемым в русской культурной и языковой традиции.

За последние несколько лет лексическая составляющая политически корректного языка пополнилась некоторыми понятиями, находящимися в сфере языкового и политического влияния на социум, : микроагрессия, триггер (предупреждение о них), привилегия (социальная или расовая), безопасное пространство, культурная апроприация. Под микроагрессией принято понимать высказывания, изначально не направленные на причинение морального вреда участнику дискурса, однако в силу тех или иных социальных или расовых отличий участника, такое высказывание воспринимается им как агрессия в его адрес.

Достаточно широкое использование получило такое явление как “trigger warning”, призванное оградить членов социума от болезненных ассоциациях, которые могут быть связаны с контентом того или иного рода. В качестве примера можно привести «Великого Гэтсби» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, где

повсеместно изображено насилие над женщинами и уничижительное к ним отношение. Эти инициативы объясняли тем, что участники дискурса, пережившие расизм или домашние побои должны иметь возможность избежать чтения этих книг, потому что они потенциально могут стать «триггером», что примет на себя роль катализатора неприятных и тревожных ассоциативных связей, которые могут напомнить участникам об их ментальных или иных травмах.

В рамках современного социального дискурса существует тезис, заключающийся в неэффективном влиянии современной политически корректной практики на языковые деривации и в последующем изменении социальных сегрегационных тенденций, или же в ее неэффективности. Этот тезис использует в качестве своей основы идею о подмене ключевых понятий, а именно: вместо уважения и борьбы к различным формам ксенофобии и дискриминации, политически корректная практика делает акцент на формальном соблюдении предписываемых политкорректных норм, или же вовсе прибегает к замалчиванию и игнорированию проблем подобного рода. Нетерпимые общности, лица и организации игнорируются лишь для соблюдения положений политической корректности (Pinker, 1994).

Политически корректный язык не позволяет участникам дискурса апеллировать к некоторым табуированным понятиям.

Следствием этого можно считать избегание всяких тем дискурса, которые затрагивают проблемы меньшинств и их репрезентации, так как участники рискуют быть обвиненными в эйблизме, лукизме, трансфобии, расизме и т.д.

Это на данный момент является катализатором общественных процессов, а именно возникновению скрытой ксенофобии, которая не поддается огласке, но обсуждается скрыто (Остроух, 1998).

Согласно положениям данного тезиса, сам факт принуждения и навязывания формальных догм и табу политической корректности в конечном счете привело к сопротивлению данной тенденции не только противников, но и приверженцев политически корректной практики в обществе.

По данным ВВС, статистика содержала случаи, в которых работники полиции или социальных служб из-за страха быть обвиненными в расизме и этноцентризме не пресекали

организованную преступность определенной этнической группы (Schultz, 1993).

Примером негативных последствий практики политической корректности можно считать вандализм и разбои в США, при которых угнетаемая и дискриминированная общность имеет пространство для маргинализированных действий в отношении другой, «привилегированной» общности.

Что касается современной практики реализации борьбы с дискриминацией, ксенофобией, расизмом и т.д., здесь существует дилемма, требующая своего разрешения. Суть данной дилеммы заключается именно в реализации практики политической корректности – она приобретает исключительную форму замены слов. В дальнейшем она порождает замкнутую систему, которая не способна реализовать полностью функционирующий политически корректный язык в силу того, что любая комбинация лексических итераций не в состоянии занять в какой-либо мере перманентное употребление в соответствующем дискурсе (Остроух, 1998).

Из этого мы можем заключить следующее: так как находящиеся в этом механизме лексемы в определенный отрезок времени обладают конкретным лексическим значением и коннотацией, и, оказываясь в широком употреблении в качестве нейтрального выражения, вскоре приобретают другое значение и коннотацию, отвечая на социальный запрос. Иными словами, все политически корректные эвфемизмы и выражения обречены с течением времени перенять коннотацию предшествующего дисфемизма, что в дальнейшем вновь повлечет за собой необходимость в поиске соответствующего нейтрально окрашенного дескриптора. Что же касается определения данного социолингвистического явления, мы можем обозначить его в качестве замкнутого круга эвфемизмов (Pinker, 1994).

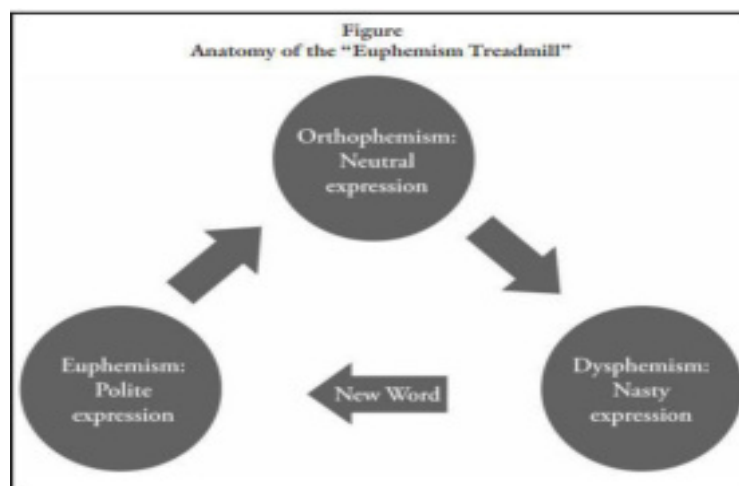

Рис. №1.

Цель преобразования ортофемизма в дисфемизм и т.д.

Так как оговариваемая нами политически корректная практика языковой деривации строится исключительно на данной замкнутой цепи, мы можем заключить, что создание новых имен не влечет за собой в какой-либо мере значимых изменений в сознаниях индивидуумов, ровно, как и в социальной реальности, в то время как подобная корректная языковая политика не в состоянии противостоять фактическим причинам расизма, сексизма и другим формам сегрегации.

Существует также проблема несколько иной направленности, где цепь нейтральных нововведенных лексем неосознанно направлена на дезориентацию лиц в социуме, использующих политически корректный язык – в немецком языке дети, обладающей расстройством поведения (Kinder mit Verhaltensstörung) после некоторых этапов альтераций стали называться не иначе как дети с оригинальным поведением (verhaltensoriginelle Kinder) (Burkhardt, 2010). Это может вызывать положительные ассоциации, что не является релевантным с точки зрения наличия такого диагноза у ребенка

Выявление парадигмы политкорректного языка в американской публицистике под влиянием расовой политической корректности

Семантический анализ будет направлен на выявление изменения частоты употребления номинативных лексем по отношению к афроамериканцам на протяжении разных периодов времени. Таким образом, для семантического анализа нами были взяты газетные статьи англоязычной американской прессы. Используемые в SEO текстовые массивы непременно имели одинаковое количество слов в своем объеме (5450-5510) для того, чтобы свести возможную погрешность к минимуму. Для семантического анализа и обработки корпуса текстов использовалась мультизадачная платформа Адвего (Электронный ресурс. SEO Advego, 2020).

Для решения задач исследования были использованы публицистические тексты, в частности, статьи и репортажи американских газет за период с 1884 г по 2020 г, всего 22 статьи. Данные статьи были заимствованы из официального онлайн-архива газет The New York Times. Их отбор осуществлялся по параметру наличия отдельно взятых политически табуированных лексем при условии, что каждая из лексем присутствует в размере не менее 6 единиц на 4000 слов.

Приведенные далее источники анализируемых текстовых массивов имели одинаковое количество слов (5450-5510) для минимизирования возможной погрешности при подсчете частотности встречаемых лексически табуированных языковых единиц в текстовом массиве взятых статей (Таб. №1).

Название газеты	Название статьи	Год
<i>Atlantic Monthly</i>	“The Negro Problem“	1884
<i>Atlantic Monthly</i>	“Several hundred Negroes brought across river“	1917
<i>Atlantic Monthly</i>	“Negroes by the score were seen today walking out of town “	1917
<i>Atlantic Monthly</i>	“Negroes beaten by white men“	1917

The new York age	“Negro and White Man Sitting on Curb“	1939
The Canadian Valley News	“Negro tells on suffering the spokesman review“	1939
The new York age	“Bare race question“	1939
The Pittsburgh Courier	“A letter to the editor of the “Courier” “	1942
Voice of America	“March on Washington seen as step backward“	1963
Hattiesburg American	“Police In Washington Worried By Reports Of Negro March Plan“	1963
Hattiesburg American	“Proposed Washington Negro March Could Embarrass Kennedy“	1963
Atlanta Voice	“Meeting Shows Lack of Diversity“	1970
Sydney Morning Herald	“Negroes in America“	1969
Dayton Daily News	“We’re all black in a racist country“	1968
The Bee	“Text of forman’s Black Manifesto“	1969
The Tampa Tribune	“The people of colour“	1988
The Atlanta Voice	“Third Force, Third Party or Third class influence? “	1990
The Santa Fe	“Judge questions Richardson buyout’s effects “	2002

New Mexican		
The Sacramento Bee	“A broader breed of white nationalist gains traction“	2002
The Atlantic	“The Double Standard of the American Riot“	2020
NPR	“We Have A Place In This World Too“	2020
The Atlantic	“Why are there protests over the death of George Floyd? “	2020

Таблица 1

Нашей задачей являлся поиск номинативных лексем в качестве показателей политически корректного языка.

Далее они были распределены на две группы, первая из которых имела в своем составе лексемы, репрезентирующие отношение к расе и принадлежности к государству: *race, African-American, racism* (Таб. №2). Вторая же группа состояла из лексем, которые на некоторых отрезках времени видоизменились под влиянием социума и стали либо табуированными, либо приемлемыми по признаку политической корректности: *negro(es), black people, black, colored people, nigger(s)* Таб. №3).

В результате анализа массива статей были получены следующие результаты, представленные в таблице и на графике (График №1).

	race	African (American)	racism
1884	21	14	0
1917	13	6	0
1939	14	6	0
1942	6	7	0
1963	14	16	0
1968-1970	8	4	0
2002	11	7	3

2020	4	15	7
------	---	----	---

Таблица 2

	negro(es)	black	colored	nigger(s)
1884	30	16	0	0
1917	56	9	0	0
1939	42	13	0	0
1942	24	41	7	0
1963	34	15	10	0
1968-1970	9	43	15	6
2002	1	38	14	12
2020	0	86	23	0

Таблица 3

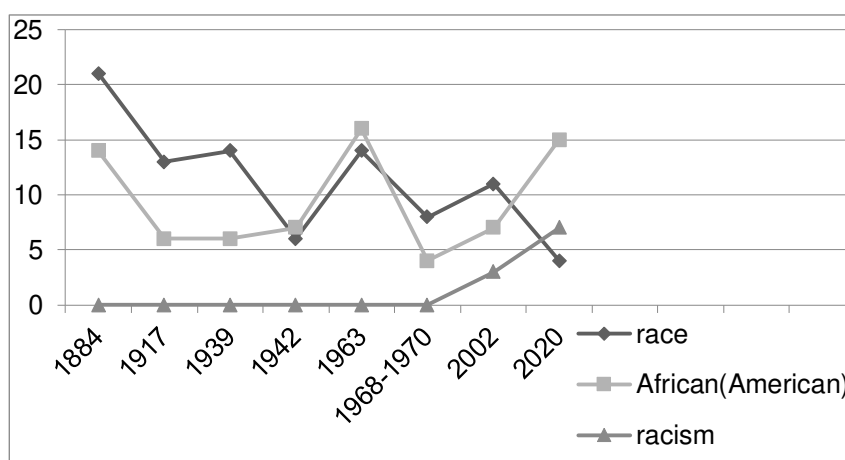

График 1

Таким образом, на основе полученных результатов мы можем составить график языковых изменений в употреблении лексем первой группы (График №1): отношение к расе, принадлежность

государству/территории.

На данном графике мы можем наблюдать возникновение понятия расизма начиная с периода 1968-1970-ых годов и растущее его употребление к 2020 году. Что же касается лексемы "race", то ее частотность находился на пике в самом начале борьбы афроамериканцев за свои права, скачок употребления показан во время социальной революции и марша за права 1963 года. Та же тенденция наблюдается с употреблением "African-American", за исключением роста употребления к 2020 году.

Далее представлен график по результатам употребления лексем второй группы, объединяющей слова по признаку политической корректности:

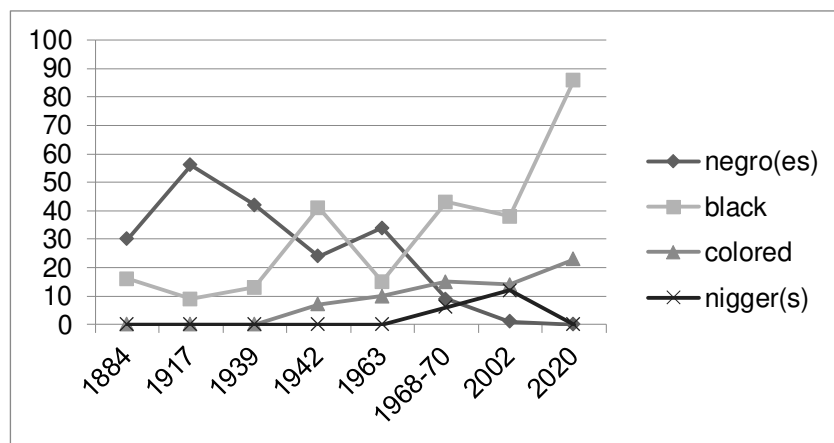

График 2

Лексема "negro", табуированная в современном дискурсе, имела наивысшую частотность употребления в 1917 году и во времена социальной революции, однако была упразднена к 2000-ым годам и сейчас не используется ввиду норм политической корректности. Кроме того, на Графике № 2 можно наблюдать явно выраженное преобладание лексемы "black" в современном политкорректном дискурсе (2020), уровень частотности употребления которой также вырос во время великой депрессии. Отдельно стоит обратить внимание на лексему "colored", которая

являлась своего рода компромиссом между *negro* и *African-American*. Лексема “*nigger*”, являющаяся табуированной, допустима к употреблению лишь афроамериканцами. Сейчас в дискурсе она не фигурирует и часто заменяется “*n-word*”.

Сопоставив все вышеперечисленное, мы можем прийти к выводу, что частота употребления той или иной лексической единицы в рамках политкорректного дискурса варьировалась под воздействием изменений в обществе и связанных с ними событий. Мы можем выдвинуть гипотезу о том, что скачок частотности употребления лексемы “*black*” по отношению к афроамериканцам в 1968-1970 годах можно объяснить активной деятельностью партии The Black Panther, действия и название которой подкрепляли в афроамериканцах стремление к самоидентификации и свободе. Как показало проведенное исследование, «старая» в своем употреблении лексема “*negro*” стала табуированной единицей, наравне с более молодой лексемой “*nigger*”.

Выводы

В ходе эмпирического исследования, представленного в данном исследовании, нам удалось создать репрезентацию языковых дериваций (1884-2020 гг.) в рамках политически корректного дискурса, а именно регламентируемых им дисфемизмов и эвфемизмов.

Исследование проводилось на материале газетных статей американской прессы временного диапазона от 1884 до 2020 гг. В ходе проведения исследования мы прибегали к использованию таких методов как метод сравнения и классификации. Семантический анализ корпусов текста проводился с использованием мультитасочной платформы Адвего.

Так, во время исследования внимание обращалось не только на рост или падение уровня употребления той или иной лексемы по отношению к афроамериканцам в США, но и связь данных изменений с протекающими в обществе изменениями и запросами.

Результатом проведенного исследования можно считать установление связи между языковыми изменениями и социальными явлениями. Нам удалось выявить следующие значимые события, предположительно оказавшие влияние на уровень употребления дисфемизмов и эвфемизмов, а именно:

1939,1942 – великая депрессия, 1963 – марш афроамериканцев за гражданские права и свободы после социальной революции, 1968-1970 – создание и функционирование политической партии The Black Panther в Америке.

Закономерным является вывод о том, что частотность употребления лексемы "race" напрямую связана с такими изменениями в социуме, как начало борьбы темнокожих за свои права (пик в 1884 году), также скачок употребления показан во время социальной революции и августовского марша за права 1963 года.

Таким образом, языковые деривации в рамках современной политкорректной практики имеют следующий вид: «negro(es)» так же как и «nigger(s)» являются совершенно неприемлемыми в рамках современного дискурса, хотя первый вариант был наиболее распространен в употреблении в 1917 году, в то время как второй – в конце 90-ых годов. Наиболее предпочтительным и нейтрально окрашенным считается обращение "*black people*" или "*African American*".

Стоит упомянуть, что употребление такого эвфемизма как "*colored people*" является допустимым по политкорректным параметрам, однако не приветствуется в некоторых штатах, так как, по-видимому, претерпевает изменения в сторону дисфемизма.

Согласно результатам проведенного исследования мы можем заключить, что лексема "black (people)" является на данный момент самой употребляемой по отношению к афроамериканцам, однако, учитывая положения тезиса о замкнутом круге эвфемизмов, мы можем предположить, что в течение некоторого времени данная лексема будет заменена иной.

Однако опираясь на результаты нашего исследования, мы можем заключить, что лексема "nigger(s)" обладает малыми шансами на замену текущей политически корректной номинативной лексемы, так как обладает сильно выраженной отрицательной коннотацией и, безусловно, является дисфемизмом, непреходящим в ортофемизм.

Другое положение в указанной нами существующей парадигме занимает лексема "colo(u)red", так как является приемлемой в рамках политически корректного дискурса, но ее частота употребления ниже, чем у "black" или "African American", что

позволяет нам выдвинуть гипотезу о возможной замене действующей номинативной лексемы лексемой “colo(u)red (people)”.

В заключение данного исследования можно прийти к выводу, что, используя политически корректный язык в обществе, мы должны учитывать существование тонкой грани между ответственным использованием языковых средств и лексем и навязыванием порой абсурдного и крайне неэффективного языка. Необходимо принимать во внимание факт того, что при использовании замкнутой системы лексических замен решающую роль играет индивидуальная языковая компетенция каждого члена социума, который принимает во внимание культурные, религиозные и социальные различия между участниками дискурса и ищет необходимые лексические альтернативы для того, чтобы избежать проявления сегрегации.

На успешность общения влияет не только знание лексики и грамматики, но и знание культуры и норм речевого общения, поскольку язык неразрывно связан с ментальностью его носителей, отражает процессы и явления, происходящие в обществе, образ жизни людей, их традиции, систему ценностей и мировоззрение. Одним из важных факторов установления успешного межличностного и межкультурного взаимодействия является использование в речи выражений политкорректности, которые сегодня стали неотъемлемой частью межэтнических отношений во всем мире, в основном в англоязычных странах.

Можно считать очевидным тот факт, что современная практика политкорректности не является универсальной и всеобъемлющей, потому она испытывает нужду в реформации.

Литература

1. Глиос Е. С. Лингвокультурная специфика формирования и функционирования эвфемизмов в современном английском языке (на материале англоязычных Интернет-сайтов). – 2007. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnayaspetsifikaformirovaniya-ifunktsionirovaniya-evfemizmov-v-sovremennom-angl> (дата обращения: 22.05.2020).

2. Иванова О. Ф. Политкорректность в России // Вестник Евразии. – 2002. – №.3. – С. 61-71.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса. – Москва: Институт языкознания Российской академии наук, 1992.
4. Остроух А. Политическая корректность в США // Культурологический аспект проблемы. – М., 1998.
5. Стихин А. Г. Лингвистические аспекты коммуникативной корректности // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск. – 1995. – С.138-142.
6. Тарасова В. В. Політична коректність в англійському та українському медіадискурсі // Науковий вісник Національного університету біоресурсів і природокористування України. Серія: Філологічні науки. – 2018. – №. 281. – С. 100-110.
7. Шарапова И. В., Кобенко Ю. В. История возникновения понятия “Political correctness” и способы его интерпретации // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 10(151). – С. 46-50.
8. Burkhardt A. Euphemism and truth // *Tropical truth (s): The epistemology of metaphor and other tropes*. – 2010. – С. 355-372.
9. Pinker S. The game of the name // *New York Times*. – 1994.
10. Schultz D. L. et al. To Reclaim a Legacy of Diversity: Analyzing the "Political Correctness" Debates in Higher Education. – 1993.
11. SEO Advego.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://advego.ru/text/top> (дата обращения: 13.09.2020).
12. Longman Dictionary of Contemporary English. – URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/political-correctness> (дата обращения: 03.09.2020).
13. Ter-Minasova S. G. Traditions and innovations: English language teaching in Russia // *World Englishes*. – 2005. – Т. 24. – №. 4. – С. 445-454.
14. The Merriam-Webster Dictionary. – Springfield, Massachusetts, U.S.A. – 1997.
15. Turner B. S. The Cambridge dictionary of sociology. Cambridge University Press, – 2006.

References

- Burkhardt, A. (2010). Euphemism and truth. In *Tropical truth (s): The epistemology of metaphor and other tropes* (pp. 355-372).

- Glios, E. S. (2007). Lingvokul'turnaya specifika formirovaniya i funkcionirovaniya evfemizmov v sovremennom anglijskom yazyke (na materiale angloyazychnyh Internet-sajtov) [Linguocultural specifics of the formation and functioning of euphemisms in modern English (based on the material of English-language Internet sites)]. Retrieved from: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnayaspetsifika-formirovaniya-ifunkcionirovaniya-evfemizmov-v-sovremennom-angl> (accessed: 22.01.2018).
- Ivanova, O. F. (2002). Politkorrektnost' v Rossii [Political correctness in Russia]. *Vestnik Evrazii*, 3, 61-71.
- Karasik, V. I. (1992). *Yazyk social'nogo statusa [Language of social status]*. Institut yazykoznaniiya Rossijskoj akademii nauk.
- Longman Dictionary of Contemporary English*. (2020). Retrieved from: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/political-correctness> (accessed: 03.09.2020).
- Ostrouh, A. V. (1998). *Politicheskaya korektnost' v SSHA: kul'turologicheskij aspekt problem [Political correctness in the United States. Cultural aspect of the problem]*. Moscow.
- Pinker, S. (1994). *The game of the name*. New YorkTimes.
- SEO Advego.ru*. (2020). Retrieved from: <http://advego.ru/text/top>. (accessed: 13.09.2020)
- Sharapova, I. V., & Kobenko, Yu. V. (2014). Istoriya vzniknoveniya ponyatiya "Political correctness" i sposoby ego interpretacii [The history of the concept of "Political correctness" and methods of its interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 10 (151), 46-50
- Stihin, A. G. (1995). Lingvisticheskie aspekty kommunikativnoj korektnosti [Linguistic aspects of communicative correctness]. In *Yazyk i etnicheskij mentalitet* (pp. 138-142). Petrozavodsk.
- Schultz, D. L. (1993). *To Reclaim a Legacy of Diversity: Analyzing the "Political Correctness" Debates in Higher Education*.
- Ter-Minasova, S. G. (2005). Traditions and innovations: English language teaching in Russia. *World Englishes*, 24(4), 445-454.
- Tarasova, V. V. (2018). Politichna korektnist' v anglijs'komu ta ukraïns'komu mediadiskursi [Political correctness in English and

Ukrainian media discourse]. *Naukovij visnik Nacional'nogo universitetu bioresursiv i priroдокористuvannya Ukraїni. Seriya: Filologichni nauki*, 281, 100-110.

The Merriam-Webster Dictionary. (1997). Springfield, Massachusetts, U.S.A.

Turner, B. S. (2006). *The Cambridge dictionary of sociology*. Cambridge University Press.

УДК 81'255

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.02>

И.Д. Волкова

Волгоградский государственный университет

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ФОРМА
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ
РОМАНОВ Д. МИТЧЕЛЛА)**

Целью статьи является описание значимости переводческого комментария с точки зрения локализации художественного произведения в ином лингвокультурном пространстве, а также выявление видов лексики, выступающей объектом адаптации, и степени ее экспликации. Теоретико-методологическую базу настоящего исследования составляют ключевые положения теории перевода, исследования лингвистической локализации и исследования художественного дискурса. В рамках исследования проведен сопоставительный анализ понятий адаптации (прагматической адаптации) и локализации с целью обоснования целесообразности использования нового термина для наименования культурно-обусловленных модификаций текста оригинала. Установлены характеристики художественного текста, которые позволяют отнести произведения художественной литературы к объектам локализации. Проведен контент-анализ англо- и русскоязычных версий трех романов британского писателя Д. Митчелла "Облачный атлас", "Тысяча осеней Якоба де Зута" и "Голодный дом". Проанализированы оригинальные англоязычные и переводные русскоязычные версии указанных литературных произведений, в частности проведен